

УДК 154.19

Т.Д. Суходуб

А.К. ЗАКРЖЕВСКИЙ КАК ФИЛОСОФ И ИСТОРИК ФИЛОСОФИИ¹

Имя Александра Карловича Закржевского [09(21).05.1886, Киев – 30.05(11.06).1916, Киев] практически не упоминается в историко-философских научных изданиях: отсутствует оно и в философских биографических справочниках [1]. Однако история русской философии эпохи «серебряного века», и в частности киевская страница этой «книги памяти», будет неполной, если не представить его идеи и труды. Подобное забвение не только несправедливо по отношению к этому самобытно мыслящему философу, но и недопустимо с точки зрения решения одной из важнейших историко-философских задач – восстановления целостности философского процесса в России начала XX ст.

Особый интерес представляет творчество Закржевского, писателя, публициста, журналиста, в аспекте литературно-критической, историко-философской аналитической работы. Тонкий знаток русской и западноевропейской культуры и философии А.К.Закржевский, к сожалению, мало известен современным интеллектуалам как самобытный исследователь творчества Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, М.Ю.Лермонтова, К.Н.Леонтьева, Н.А.Бердяева, Л.Шестова, С.Н.Булгакова, В.В.Розанова и других русских писателей и философов. Отчасти восполнить этот пробел, обратить внимание на проблемные контексты его исследовательских усилий и составляет задачу данной статьи.

В двадцатый век А.К.Закржевский врывается целой серией работ, часть из которых, к сожалению, так и осталась неизданной, хотя известной современниками по публикациям в периодической печати, а также по его выступлениям на заседаниях Киевского Религиозно-философского общества [см.: 3-5,8-12]. Надо отметить особо, что публичная деятельность философа была связана прежде всего с этим Обществом [см.: 2, с. 262, 265]. В мае 1912 года Закржевского избирают членом Совета КРФО и в течение этого года им было прочитано четыре доклада на общую тему: «Современное религиозное сознание в России и его представители (Д.Мережковский, З.Гиппиус, В.Розанов, Н.Минский)». Позднее тема богоискательства будет подробнее представлена философом в книге «Религия» [3], где в центре рассмотрения заявленной темы окажутся работы С.Булгакова, Н.Бердяева, Вяч.Иванова, А.Белого и других представителей школы «русского религиозно-философского ренессанса».

Неординарные размышления Александра Карловича буквально всколыхнули «киевский философский круг», заставили принципиально иначе посмотреть на

¹ Исследование осуществлено при поддержке совместного гранта НАН Украины – РГНФ (постановление Президиума НАН Украины № 67 от 6.04.2005 г. (проект № 15 – договор Института философии имени Г.С. Сковороды НАН Украины № 6 Ф от 6.04.2005 г.)

историю русской литературы и метафизики, увидеть их связь с западноевропейской традицией, по-новому оценить оригинальность, а в некоторых случаях – и генетическую первичность рождённых отечественной культурой идей. Из сцепки только ему подчинённых слов выростали жизненные миры близких А.К.Закржевскому философов, поэтов, писателей, художников, которые становились значимыми и для других.

В творчестве А.К. Закржевского мы сталкиваемся с особым и малоизвестным на то время способом репрезентации идей. Жанр, в котором работал мыслитель – не белый стих и не поэтическая проза, хотя образность его мысли, бесспорно, имеет художественную природу. Его творческие усилия нацелены на другое – выход Слова за границы текстуального пространства – в экзистенциальные сферы, сцены жизни, установки поведения, в умонастроение, способы духовного взаимодействия людей. Александра Закржевского интересует движение не суть абстрактных, интеллектуальных, художественно-эстетических явлений, а феноменов, связанных с личной жизнью читателя. Он сознательно подчеркивает «надлитературность» своего текста, желание сделать рукотворный текст измерением жизни. Так, он пишет: «Для того же, чтобы страдание осталось искренним и правдивым, для того, чтобы оно могло отомстить за себя и испепелить самую возможность лжи, остаётся только одно: предать проклятию всякое искусство» [4, с. 108]. Стремясь, таким образом, выйти в подлинную жизнь, в искренность чувств и отношений, желая разрушить «обыденщину», где «уже нечем жить», Закржевский создавал особого порядка тексты, в которых имели место, по его собственному признанию, «какие-то странные, какие-то необычайные мысли, даже не мысли, а аккорды, звуки, мелодии, настроения» [4, с. 62].

Отсюда, думается, жанр его произведений с полным правом может быть обозначен как *экзистенциальная коммуникация*. В таком же ключе работали со словом Сёрен Кьеркегор, Мигель де Унамуно и другие экзистенциальные философы. Особенность же подхода Александра Закржевского заключалась в том, что, раскрывая экзистенциальные корни бытия, показывая в культурной традиции возможное движение к *диалогу* через открытие в людях *сродных* начал, он ищет пути к *немонологовической* по характеру культуре. Пространство текстов Закржевского соединяло в себе эпохи Лермонтова и Заратустры, Ницше и Леонтьева, футуристов и Льва Толстого. В этом контексте «всевременности» (если воспользоваться образом М. Цветаевой), которая, наверное, и создаёт феномен социокультурной памяти, *человек Закржевского* находит себя, понимая, что общение в культурной традиции особого рода – это диалог многих «я» как одной, вечно вопрошающей личности. В этом аспекте философские рассуждения Закржевского оказываются чрезвычайно близки к стилю мышления М.М. Бахтина, который несколько позже, но также, обращаясь к творчеству Ф.М. Достоевского, будет выстраивать свою концепцию *философии диалога*.

Вопрошание, обращенное к другому «я», является способом рассуждения Александра Карловича. «Что же дальше? какой смысл в этом рабском мучении, – спрашивает он, – где выход из этого заколдованного круга? Мир не ответит: мира больше нет. Но зато отвечает подполье, отвечает кровью истекающее сердце...» [4.

с. 11-12]. Мы наблюдаем, как философ с потенциального интерпретатора текста превращается в собеседника, брата по духу, а может быть и противника, судью, заставляя при этом и читателя стать действенным героем его произведений. Т.о., уже из собственной экзистенциальной ситуации, читатель размышляет о невыдуманной (в этом жанре) жизни – судьбе героев Лермонтова, Андреева, Гоголя или Чехова, но делает это так, что и его собственный жизненный путь присутствует в духовном пространстве прочитанного и он сам подпадает под вопросы философа. В этом смысле проблемы, поднимаемые Закржевским, нельзя назвать обычными литературно-философскими темами – он всегда пытается приоткрыть человеку какую-то общую ситуацию человеческой судьбы – этой великой надежды состояться и понять.

Закржевский склонен подчеркивать субъективность своих философских изысканий: «Я живу в рассматриваемых произведениях мыслью и душой, воссоздавая мир мыслителя, творю мир собственный, мир моего творчества, мир моего я» [цит. по: 5, с. 168], но, думается, что именно этим они по-особому и ценны, ибо в философской традиции срабатывает именно *диалог* многих «я», которых мы выбираем в собеседники, согласовывая свои ценностные ориентиры.

Эта тяга Закржевского к чужой индивидуальности, которая оказывается близкой и его собственной, определяет его устойчивый интерес к российскому литературному и философскому процессу. «Персоналистическая революция», объявленная Николаем Бердяевым и Львом Шестовым, воспринята была и Закржевским, разделявшим главный «революционный» лозунг – творчество, духовное подвижничество личности являются реализацией её свободной воли, свободного пути человека, его правом на выбор.

Общей же установкой в понимании специфики философского познания была уверенность в экзистенциальной её основе, связи происхождения философии с болью человеческого сердца. «Вопрос о бесцельности и ненужности всей этой мрачной и грозной тюрьмы», принятой называть жизнью, – «разве это не первый вопрос, полный мучительного надрыва ...?» – буквально выкрикивает главную свою философскую тему Закржевский. – «Здесь растут первые черные цветы опьянения болью, но еще впереди ужас её» [4, с. 6]. Где-то совсем близко, рядом в личном пространстве его существования уже присутствуют, слышатся ещё не сказанные Альбером Камю слова, Голоса выброшенного в мир, бунтующего человека ещё не слышно, но всё в пространстве культуры уже настроено на тональность и духовную восприимчивость сакраментального для XX века вопроса: «... стоит или не стоит жизнь того, чтобы её прожить...» [6, с. 24]. Ибо время уже обжигает человеческие души и в России, испытавшей с началом нового века опыт русско-японской войны и первой революции, приближение мировых трагедий чувствовалось, наверное, острее. Неслучайно А.К. Закржевский в 1905 г. устраивает Литературный кружок с целью обсуждения вопросов отражения проблемного человеческого бытия в литературе, но «во время революции всё это кончилось и разлетелось» [7, с. 176]. Боль становилась условием понимания и творческого бытия, верой в то, что, выплеснув эту боль, можно изменить мир.

Из этой вот крайней боли бытия и рождается проблематика и язык философии А.К. Закржевского. «Писать, – поясняет он, – значит исторгать из души окровавленные, дымящиеся её внутренности и бесчисленное число раз отражать их в обезумевшем мозгу!» [4, с. 105], поэтому книги, по мысли Закржевского, пишутся только тогда, когда «можно обманывать себя бледными, надоевшими словами ... Для великой боли ... нет на человеческом языке выражения, нет «литературы», нет искусства, нет самообмана» [4, с. 60].

Напряжение боли уравнивает у Закржевского только безысходное молчание. Неслучайно, ситуация молчания занимает особое место в анализе Закржевским феномена «подполья», выписанного Достоевским. Категория «молчания» представлена им здесь как невыговоренность, невозможность воссоздания человеческим языком определённых жизненных ситуаций: как пустота, как исчерпанность человеческих взаимоотношений, разрушительная для человека. Жизнь в «подполье» в силу этого *безмолвна*. Именно поэтому, по мнению А.К. Закржевского, Лев Шестов, открыв, что добро как категория морали «не есть правда и не есть вера», так как не может и «на йоту изменить обстоятельств жизни ... не может искупить каждой жертвы истории, не может искупить смерти!» [4, с. 59], *замолкает*, мучительно переживая это открытие. Так, объясняет Закржевский, рождается шестовская «философия трагедии», означенная богоискательством и окаймлённая глубоким отчаянием молчания.

Духовные искания Льва Шестова находят весьма точную оценку Закржевского, подметившего, что философ «ненавидит идеалистов, а между тем многие отличительные атрибуты идеализма в нем налицо: эта безумная влюблённость в искание истины и правды, эта надрывающаяся надежда поверить в Бога, эта заглушённая, вечно скрываемая любовь к людям и жизни!» [4, с. 56]. Неслучайно, как подмечает Закржевский, Шестов, обращая внимание на «подпольный» характер человеческого сознания, подчеркивает, что «подлая натура человека» может повести его и по пути человеческого самообожествления. Поясняя позицию Шестова, Закржевский открывает и свою собственную установку мышления – для него метафизические вопросы трансформируются в экзистенциальные ситуации, когда мучают «уже не «вопросы», а люди...» [4, с. 56].

«Подполье» – работа 1909 года. В 1918-м Людвиг Витгенштейн закончит свой «Логико-философский трактат» призывом к молчанию, убедившись, что совершенный в передаче фактов язык логики не работает в метафизической области, имеющей отношение к невысказанному (не сказанному) как несказанному. Т.е., философские темы, по мнению австрийского ученого, составляют область непроговариваемого. Эту в общем тему развивает и Закржевский. Молчание в его понимании несёт в себе *многоголосие* бытия, утаённую в сложнейших культурных реалиях *полноту* бытия, которая может раскрываться в межличностных отношениях как открытость всему и в этом плане нести в себе самый разный спектр человеческих взаимодействий: грань добра и зла бывает весьма хрупкой. Поэтому, как считает Закржевский, в предельных обстоятельствах жизни, человек предпочитает проявлению бытия через слово молчание: «только в абсолютном молчании и абсолютном одиночестве возможно пришествие великих и желанных

чудес» [4, с. 27]. Однако молчание у Закржевского – это не бессловесность. Смысл молчания – в возможности быть *другим*, найти себя не *прежним*, себе прошлому нетождественным; в умении иным делать и мир.

Как показывает тематика работ Александра Карловича, интересы его были чрезвычайно разносторонни, однако наследие Достоевского в творчестве Закржевского занимает совершенно особое место. Желание мыслителя пройти путём Ф.М. Достоевского – задуманная им трилогия: *Подполье*, *Карамазовщина*, *Религия* [см.: 3:4:8] – была не просто данью философичности русской литературы, но и его собственным «кругом ада», внесённым на алтарь великого открытия Истины. Все эти книги буквально выстраданы автором, но, наверное, наиболее кровавым было «Подполье». По мнению Закржевского, «Записки из подполья» Ф.М. Достоевского – «произведение, заключающее в себе квинтэссенцию современности, ... книга, раскрывающая уму особую область духовных терзаний, книга, запечатлённая в вечности кровавою печатью безумного отчаяния, надорвавшегося страдания, книга, шестьдесят лет тому назад делающая строжайший смотр моральным и религиозным ценностям!» [4, с. 1]. Как видим, анализ литературного наследия русского писателя выходил у Закржевского за границы традиционной литературной критики, представляя собой философские размышления, в которых четко просматривались интенции более позднего этапа развития философской мысли.

Таким образом, жесткая переоценка ценностей, сделанная Александром Закржевским на основе анализа творчества русских мыслителей, дала возможность увидеть новые тенденции в развитии культуры философского мышления, которые вполне можно было бы рассмотреть как некоторые пра-формы становления дискурса коммуникативно-практического, онтологически-герменевтического, экзистенциально-персоналистического.

Опыт «новой» философии XX века, к сожалению, был закрыт для А.К. Закржевского земными рамками его бытия, однако главную тенденцию дальнейшего интеллектуального пути человечества он увидел верно: путь к философии иного порядка пролегает через *критику* классической её формы. Закржевский предчувствовал, что рационалистическая пророчность бытия в *идеологических* проектах не может не привести к разрушению жизни в каких-то её весьма важных фрагментах. «Мир проклят, осмеян, оплёван, мира больше нет ... И только одна душа расцвела здесь болезненно странно, но разве может, разве способна она жить? Разве возможна жизнь и осмысленность после такого отчаяния? после такой боли? И зачем жить?» [4, с. 10-11] – такого рода отчаянные предчувствия возможного разрушения жизни и мира человека ложились на бумагу жесткой болью души философа. Убийственная жестокость идей, проявившаяся в истории XX ст., ещё не выплеснулась концепцией негативной диалектики Теодора Адорно и Макса Хоркхаймера, но поступь Абсолютного Зла уже началась.

Безусловно, персоналистическое бытие человека в таком мире переставало быть возможным, поэтому в противовес этой исторически утверждающейся философии «программы», «проекта», «ограничения» устами Александра Закржевского рождается новая *философия возможности* – возможности быть человеком в любых

обстоятельствах. В подходе Закржевского это означало возможность трансцендирования, способность выходить за свои собственные пределы, открывать другие миры, означало возможность личного самосохранения даже ценой внутренней эмиграции души. Ведь моё «я» и моя воля выше всего и ценнее всего.

Такое жёсткое отношение к рождённым предшествующей традициям идеям, по мнению Закржевского, только и могло дать критическую оппозицию в отношении к «великим» идеям эпохи, а вместе с этим и понимание того, что есть человек, что есть он сам, вне всяких идейных подпорок, придуманных людьми. Этот путь не может не пройти через «подполье», позволяющее осознать, что «если Бога нет, то нужно мстить; если за каждую жертву истории (курсив – Т.С.) нет ответа, то нужно смеяться...» [4, с. 62]. Как видим, не принимая оправданность и якобы историческую целесообразность человеческих жертв во имя «великих идей», Закржевский делает первые подступы к критике историцистских концепций.

Духовная одного только самостоятельного хотения, чего бы эта самостоятельность ни стоила и к чему бы не привела, приводит Закржевского к поискам оснований не только незнаемого ещё в культурной традиции типа человека, но и к поиску начал «новой философии». В этой рождающейся философии всё меньше остаётся места рационалистическим расчетам и преобразовательным «проектам», нацеленным на переделку человека и его мира. «Сколько глубины в этих словах! – замечает Закржевский. – И каждое из них – целая система, целая философия, целое мировоззрение в миниатюре. Здесь заложены корни той индивидуалистической теории, на которой воздвигнуло «декадентство» свой хрупкий и прозрачный храм и, что важнее всего, – здесь колыбель философии Ницше ...» [4, с. 9]. Не смиряясь с ситуацией порабощения жизни идеями, А.К.Закржевский вслед за русскими мыслителями бунтует против принуждающего характера «всеобщей» истины, против их власти над конкретными людьми.

Список литературы

1. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. Издание второе, переработанное и дополненное. – М.: «Книга и бизнес», 1995. – 750 с.; Алексеев П.В. Философы России XIX-XX столетий. Биографии, идеи, труды. – 4-е издание, перераб. и доп. – М.: Академический проект, 2002. – 1152 с.
2. Филиппенко Н.Г. Киевское Религиозно-философское общество (1908-1918/1919): эскизы к истории // Христианская мысль. – К.: КРФО. – 2005, № 2. – С. 260-269.
3. Закржевский Александр. Религия. Психологические параллели, книга третья: Достоевский, З. Гиппиус, Д.С. Мережковский, Н.М. Минский, С. Булгаков, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, Андрей Белый, Вяч. Иванов, Алекс. Блок, Алекс. Добролюбов. – Киев: Издание журнала «Искусство», 1913. – 473 с.
4. Закржевский Александр. Подполье. Психологические параллели. Достоевский, Леонид Андреев, Федор Сологуб, Лев Шестов, Алексей Ремизов, Михаил Пантюхов – К.: Издание журнала «Искусство и печатное дело», 1911. – 125 с.
5. Закржевский Александр Карлович // Христианская мысль. – 1916, № 7-8. – С. 166-173.
6. Камю Альбер. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство: Пер. с фр. – М.: Политиздат, 1990. – 415 с.
7. Янишевская Ядвига. Памяти Александра Карловича Закржевского // Христианская мысль. – 1916, № 7-8. – С. 174-180.
8. Закржевский Александр. Карамазовщина. Психологические параллели. Достоевский, Валерий Брюсов, В.В. Розанов, М. Арцыбашев. – Киев: Издание журнала «Искусство», 1912. – 161 с.

9. Закржевский Александр. Сверхчеловек над бездной. – Сверхчеловек над бездной. Религия подвига (Лев Толстой). Мистика жизни и смерти (Ж. Роденбах и Б. Зайцев). Психология самоубийства. – К.: Типография А.М. Пономарёва п.у. И.И. Врублевского. 1911. – 108 с.

10. Закржевский Александр. Рыцари безумия (Футуристы). – Киев: Типография Акционерного Общества «Пётр Барский в Киеве». 1914. – 163 с.

11. Закржевский Александр. Лермонтов и современность. – К.: Издательство И.И. Самоненко. 1915. – 153 с.

12. Закржевский А.К. Одинокий мыслитель (Константин Леонтьев). К 25-летию со дня смерти. – К.: Издание журнала «Христианская Мысль», 1916. – 35 с.

Посупило в редакцию 15.11.2005